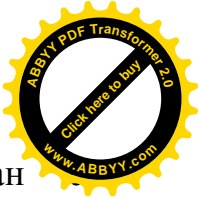

РОСТ ЧИСЛА МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современном Кыргызстане наблюдается резкий рост межнациональных браков. В сущности это мировая тенденция, связанная с ростом межгосударственных связей и усилением процесса глобализации. В марксистской социологии серьезное внимание уделялось процессу сближения наций, высказывались предположения, что с течением времени международное взаимодействие будет усиливаться, языковые проблемы разрешатся с помощью технического прогресса, и на земле будет существовать единое человечество. Но слияние наций один из первых представителей марксистской социологии в России В. Ленин считал делом «необозримо далекого будущего». Нельзя не отметить, что советские ученые старались выявить проявления форсированного движения к этому будущему: была создана теория соединения всех наций СССР в новую общность «советский народ» с единством территории, государства, экономики, языка (межнационального русского) и психологии.

Как нам кажется, эта идея имела свои основания, хотя и была забеганием вперед. Надо было остановиться на изучении Российской Федерации. Не случайно современные государственные деятели как бы избегают обращения непосредственно к русскому народу, но говорят «россияне»

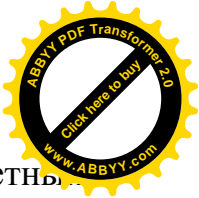
Предметом изучения кафедры философии (позже исторического материализма) КирГУ, возглавляемой тогда А. Табалдиевым, вместе с лабораторией конкретно-социологических исследований, была проблема этносоциологии – тенденции развития межнационального взаимодействия, социальные проблемы двуязычия, межнациональных браков, особенности развития малых народов в условиях социализма и т.д. По этой проблематике было написано и защищено несколько диссертаций, сформировалась табалдиевская школа, но безвременная кончина нашего учителя не дала ей полностью развиться или развернуться, если так можно выразиться. Это не значит, что ученики такого талантливого, креативного учителя остались не у дел, но мы, в сущности, не смогли отстоять его дело и доказать, что социальная философия – это и есть социология, и возникла она в нашем обществе не на пустом месте, а как продолжение марксистской социологии. Конечно, никто не отрицает, сколько негативного воздействия оказала на ее развитие тоталитарная система, но мы не должны становиться «Фомой непомнящим», отрицать тот факт, что становление и развитие социологии в Кыргызстане началось до ее полной «реабилитации», отказа от ярлыка «ползучий эмпиризм» в 60-е годы XX века.

В общественном мнении образ социолога всегда связан представлением об активном, общительном человеке, всегда с блокнотом, с анкетой, опрашивающем респондентов. В пылу борьбы с марксистской социологией, мы забыли, что она не сводится лишь к эмпирическим исследованиям, которые должны лишь подтверждать или опровергать теоретические положения. Более того, главное в социологии – это теория, а практика дает материал для нее, играет вспомогательную, прикладную роль. Настало время назвать вещи своими именами. Настоящий социолог не использует популистские методы типа публичных высказываний о рейтинге представителей «правлящего класса», даже если они основаны на данных экспертного, пусть даже массового опроса, а занимается более глубокими теоретическими и практическими изысканиями в целях выработки на их основе научных выводов и рекомендаций.

В свое время аспиранты Табалдиева тоже писали диссертации по данным конкретно-социологических исследований методами наблюдения, изучения документов, опроса, углубленного интервью, пусть нарушая иногда формальности инструментария, но не делали из этого самоцель, не закидывались на сборе первичной социологической информации и не выпячивали эту сторону научных исследований. Между тем, в нашей науке все укрепляется тенденция сведения социологической науки, имеющей достаточно сложную структуру, лишь к анализу данных эмпирических исследований, оценке правильности гипотезы, выводов, вытекающих из результатов этой миссии и т.п. На наш взгляд, этой стороне вопроса уделяется столько внимания по той причине, что в социологических диссертациях, публикациях стал делаться крен от теории к практическим исследованиям, которые в структуре социологии занимают последнее место после общей теории и ее отраслевых ответвлений. Вот это как раз и чревато скатыванием к «ползучему эмпиризму».

Если остановиться на анализе функционирования сравнительно недавно открытого Специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по социологии и политологии, то сразу бросается в глаза большая количественная разница не в пользу социологии. А что касается докторских диссертаций, то их по социологии практически вообще не представлялось к защите. Одна из причин этого явления, как нам кажется, заключается в гипертрофированном требовании к прикладной стороне: теоретические монографические исследования не поддерживаются, и в то же время более лояльное отношение вызывают работы, сделанные на эмпирической основе. Конечно, никто не отрицает и не умаляет значения последних, но во всем должно быть чувство меры: ведь довольно часто второе довлеет над первым, глубокие теоретические исследования незаметно отходят на второй план, а это недопустимо. Выдающийся социолог советского и постсоветского периода Нариман Аитов как научный консультант серьезное внимание уделял диссертациям теоретическим, хотя и тогда в его окружении были энтузиасты эмпиризма, которые искренне

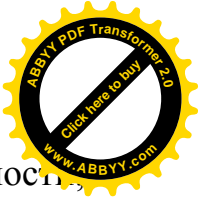

считали, что любую теоретическую работу данные собственных конкретных полевых исследований только украсят. Возможно, они и правы, но как уже выше отмечалось, недопустимо терять в этом соотношении чувство меры. И, наконец, еще раз хочется подчеркнуть, что нельзя полностью вычеркнуть из истории развития социологии в Кыргызстане советский период, даже американские авторы учебников в каждом разделе отводят место марксистскому конфликтологическому подходу.

Но вернемся к теме нашей статьи. В последнее время большой интерес ученых-обществоведов вызывает проблема социальной и особенно этнической идентичности. Единства мнений в подходах к определению данного явления пока нет. Это и не так трудно понять, ведь практически ещё не выявлены до конца социальные, экономические, лингвистические, религиозные, культурные, региональные и другие индикаторы данного феномена. К тому же возникает и такой вопрос: поскольку Кыргызстан – многонациональная республика, то о чем должна идти речь: об этнической идентичности кыргызов или национальной идентичности кыргызстанцев? В этой связи встает необходимость рассмотрения самого понятия этнической идентичности. Нам уже приходилось высказываться по этой проблеме. В этносоциологии идет дискуссия о понятиях «нация» и «этнос». В настоящее время эти концепты иногда еще продолжают употребляться в науке как синонимы, но практика показывает, что содержание этих терминов далеко не идентично. Классическая формула: родоплеменная общность, народность и нация сейчас претерпевает значительные изменения в трактовке. Общность территории, языка, хозяйственной (экономической) жизни, культуры и психологии имели свои особенности на каждом этапе истории человечества. Такие изменения происходят и в настоящий период.

Не вдаваясь в глубину научных трактовок и дискуссий, можно однозначно утверждать, что понятие «нация» скорее означает сейчас принадлежность к определенному государству, в отличие от понятия «этнос», которое трактуется как принадлежность к определенной этнической общности. Иначе говоря, определение «нация» характеризуется, прежде всего, принадлежностью к определенному государству, что не исключает единства территории, языка и национального самосознания. Именно в этом смысле трактуется аббревиатура ООН – «Организация Объединенных Наций», то есть государств, а не этносов. Население Индии, например, этнически очень многоязычно, но принято всех представителей этой страны называть индусами, мы уже не говорим о США, ведь каждый американец знает свою родословную, свои этнические корни, однако они называют себя американцами и осознают свою национальную идентичность.

Поскольку эта тенденция имеет место в жизни, она становится предметом обсуждения на народных собраниях – курултаях, в ходе чего высказывается и такое мнение, что постепенно кыргызстанский, полиэтнический народ примет свою национальную принадлежность «кыргызстанец». Возможно, это и противоречит общепризнанному тезису о

жизненной необходимости сохранения своей этнической самобытности, несмотря и вопреки всем глобализационным процессам, но ведь наука утверждает, что борьба противоположностей – двигатель прогресса и движения, изменения вообще.

Но поскольку в нашей статье мы пытаемся рассмотреть проблему сохранения этнической идентичности, остановимся на вопросе о проблемах, которые возникают в этой связи в межнациональных семьях. Изучению данного аспекта проблемы этнической идентичности представляется нам достаточно актуальной и требующей к себе самого серьезного подхода. Прежде всего, следует раскрыть само понятие этнической идентичности. В научной литературе делаются конструктивные попытки дать дефиницию этому социальному явлению. Возьмем, к примеру, подход к проблеме В.А. Ачкасова. Можно согласиться с этим ученым, что проблема идентичности во всех ее проявлениях занимает центральное место во всех взаимодействиях социальных групп, причем именно этническая идентичность наиболее устойчива и значима, хотя формируется она «стихийно, в процессе социализации личности, в то же время осознание принадлежности к определенной этнической общности становится одним из первых проявлений социальной природы человека» [2]. Можно поспорить с автором, в частности, с его тезисом о том, что этничность «задается» человеку от рождения и для миллионов людей это само собой разумеющаяся данность, не подвергающаяся рефлексии, и благодаря которой человек может сам себе ответить на вопрос: «кто я и с кем я». Однако эти высказывания относятся не ко всем людям, так как в современный период наблюдается резкий рост числа межэтнических и межнациональных семей, вырастает поколение, для которого этничность не дается от рождения, для него дается право выбора национальности отца или матери, и тут уже без рефлексии не обойтись [2]. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1999. -Т. 2.- Вып.1.- С. 1

В предлагаемой вашему вниманию работе ставится задача рассмотреть смешанные браки в двух аспектах: межэтнические и национальные семьи, в которых один супруг тюркоязычный мусульманин (например, казахи, кыргызы, татары, дунгане и др. в браке с русскими, украинцами, корейцами и др.); во втором случае речь пойдет о браках с иностранцами: англичанами, французами, американцами, немцами и др.) В тех и других смешанных браках всего проведено по четырем семьям углубленное интервью с обоими супругами, что в целом конкретизировало сущность исследуемой проблемы не только у детей, но и родителей в подобных семьях. И, как показали интервью, в тех и других типах смешанных браков, есть свои плюсы и минусы. Выборка респондентов была основана на критерии наиболее распространенных у нас смешанных брачных пар: русский, женатый на кыргызке, кыргыз, женатый на русской, дунганин, женатый на татарке, казах, женатый на татарке. В ходе

доверительной беседы было выяснено, что большая часть опрошенных вступали в брак не скоропалительно, а после достаточно длительных раздумий и сомнений долгого знакомства по совместной работе, учебе и т.п., значительную роль в данной ситуации играли и родители брачующихся. Все эти обстоятельства считаем возможным отнести к положительным моментам смешанных браков.

Проблемы начинаются позже, причем они имеют мало общего с проблемами однонациональных семей. В рассматриваемом нами контексте возникают, прежде всего, языковые трудности, преодоление которых связано с местом проживания и способностью к овладению другим языком. Далее возникают проблемы усвоения или отказа от принятия других обычаев, традиций, нравов, вплоть до правил поведения в обществе и манеры одеваться, причем это даже среди мужей и жен одной веры, в частности, ислама. Как известно, кыргызы особо не склонны к религиозному фанатизму и легко воспринимают все новое, как позитивное, так, к сожалению, и негативное. Возьмем лишь один пример – отношение к алкоголю.

Более серьезные разногласия возникают в семьях с разной религиозной верой, которые особенно обостряются в пожилом возрасте: крещение или обрезание детей и внуков, формы их женитьбы и выдачи замуж, ритуальные взаимоотношения между родителями и детьми, старшими и младшими, особенности похоронных обрядов и мн.др. Эти разногласия не всегда ведут к распаду семьи, особенно если брак был основан на любви и уважении супругов друг к другу, однако половина участников углубленного интервью искренне сожалели, что связали судьбу не с представителем своего этноса, мотивируя это тем, что тогда бы они не испытали многие отрицательные эмоции, так усложняющие жизнь и нередко ведущие к конфликтам.

Долгая совместная жизнь с человеком другого этноса затрагивает и собственную этническую принадлежность. Одна супружеская пара с горечью отметила, что они и сами не знают, кто они по нации. Одна женщина с большим оптимизмом и покорностью судьбе сказала, что она по паспорту татарка, много лет прожила в Кыргызстане, дети у нее кыргызы, и сама она стала кыргызской.

Общая судьба в совместно прожитой жизни, конечно, сглаживает все разногласия, но полностью снять их невозможно. Хотя есть случаи, когда русская, прожившая счастливую жизнь в любви и согласии, завещала похоронить ее на мусульманском кладбище, еще при жизни приняв ислам. Но есть и другие случаи. Принявшая мусульманство христианка, читавшая Коран, называвшая себя татаркой, завещала похоронить ее по христианскому ритуалу, к которому она все приготовила при жизни. Детям она объясняла тем, что этого требовала ее мать во сне. Не случайно у нас нередко мужчины, женатые на христианках, к концу жизни вступают во второй брак, совершаемый по мусульманскому обряду.

Теперь обратимся к межнациональным бракам. Такая терминология используется нами в связи с тем, как уже было отмечено выше, сейчас в

этнологии и этносоциологии идет дискуссия в этом плане, но как бы то ни было, уже общепризнано, что понятия «нация» и «этнос» не тождественны, хотя иногда употребляются как синонимы, что тоже имеет свои основания, но сейчас речь не об этом. Наше социологическое исследование позволяет предполагать, что есть довольно значительные особенности в деформации и изменении этнической идентичности как в межэтнических, так и в межнациональных семьях.

О проблемах в межэтнических семьях уже сказано. В какой-то мере они повторяются и в межнациональных браках: языковые барьеры, чужие нравы и обычаи, правила поведения, манера одеваться, пища и т.д., но все это проявляется с еще большей силой. Однако это не мешает увеличению количества межнациональных браков. Нами опрошенные, в основном молодые пары: кыргызка и француз, русская и турок, татарка и еврей (из Израиля), кыргызка и американец. В этих браках проблемы идентичности несколько другого характера. Так, в Израиле национальность ребенка устанавливается по материнской линии, поэтому и руководитель фирмы, где работала наша пара, и родители жениха были против их брака, но постепенно все уладилось, она усвоила иврит, успешно преподает там русский язык, стала матерью двух сыновей. Наше интервью получено в ее приезд навестить мать.

По данным проведенного исследования, нашу молодежь привлекает желание увидеть новые страны, особенно западные и европейские, где больше развито гендерное равенство, уважение к женщинам, больше возможностей карьерного роста, материальное благополучие, что тоже играет немаловажную роль и т.п. В свою очередь, зарубежных брачных партнеров привлекает восточное воспитание, женственность наших девушек, их не гипертрофированная феминизация и красота, отличающаяся от европейских стандартов.

Наблюдение и экспертные опросы показывают, что у тюркоязычных народов, особенно кыргызов, изменилось отношение к межнациональным бракам, вследствие чего постепенно изменяется и отношение к нациям, этносам, а также их религиозной принадлежности. Как нам кажется, это трудно объяснить более уважительным отношением старшего поколения к чувствам молодых (ведь в основе брака все же находится любовь). Тут скорее действуют другие социально-экономические факторы: высокий жизненный уровень в зарубежных странах, более цивилизованные бытовые условия, лучшая правовая защита женщин от любого вида насилия, стабильная, обеспеченная жизнь и т.п. К тому же в поле нашего внимания попали такие смешанные семьи, которые вполне успешно освоились на чужбине, хорошо ладят с родственниками мужа, что бывает не всегда.

Но и при всем этом остается проблема почти полной потери своей этнической идентичности. Притупляется чувство любви к родине, теряется понятие ата-журт, нивелируется, изменяется этническое самосознание, и как бы парадоксально это не звучало, в лучшем случае человек становится

космополитом, в худшем – всю жизнь скучает по малой родине, тоскует и страдает.

В заключение хотелось бы, не претендуя на абсолютную истину в последней инстанции, дать свои скромные предложения каких-то мер практического характера, как нам не потерять свое лицо, сохранить этническую идентичность при таком бурном стремлении молодежи «свалить» из своей родной страны, что порождает сильное увеличение числа межнациональных браков, не говоря уже о росте межэтнических.

Нужно отметить, что, хотя межнациональные браки зачастую не столь удачны, как в приведенных нами интервью, однако это не мешает росту их числа: во многих городских семьях самые образованные дети вступают в межнациональные браки, а многие даже мечтают об этом.

Конечно, на основании углубленного интервью 8 супружеских пар и экспертного опроса десяти человек, трудно делать серьезные заключения и предложения, но попытаемся все же высказать свое мнение в этом плане.

Пути и средства изменения умонастроения молодежи (если можно так выразиться), порождающего их устремления на запад, как всегда упираются в экономику, политику и идеологию. Государство должно помочь молодежи изменить жизненные планы, предоставив ей возможность добиться карьерного роста, материальной обеспеченности и чувства защищенности у себя на родине, особенно для женщин.